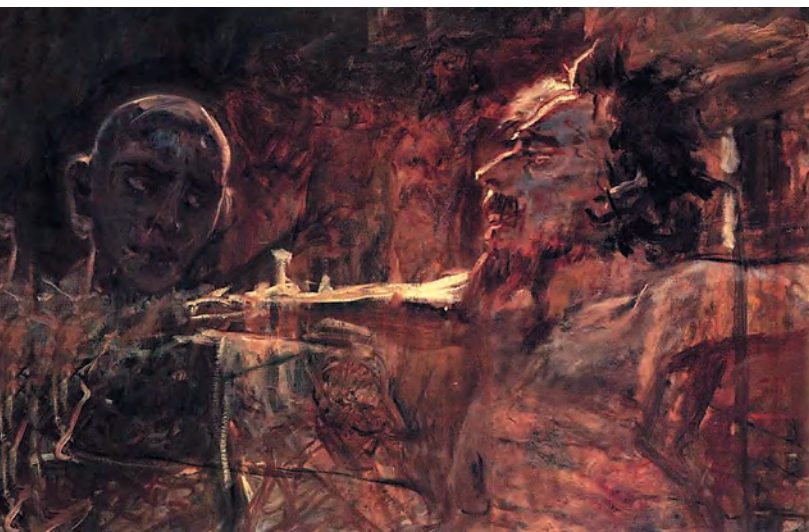

Похитители Царствия Небесного

Христос
и разбойник.
Н. Н. Ге.
Эскиз
для утраченной
картины.
1893

От дней же Иоанна Крестителя и доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают Его (Мф 11:12). Эта очень выразительная и энергичная фраза звучит, словно удар колокола, напоминающий, что во всякое время нельзя спать. Однако интересно, что в греческом оригинале энергичность этих строк на порядок выше, вплоть до парадоксальности.

Дело в том, что в русском переводе словосочетанием «употребляющие усилие» переведено слово ὁ βιαστής (biastēs), которое точнее переводить как «применяющий силу». Оно образовано от существительного ἡ βία (bia) – сила, насилие, принуждение. Поэтому одним из основных значений βιαστής в древнегреческом языке было слово «разбойник».

И вероятность прочесть βιαστής как «разбойник» вырастает еще больше благодаря употребленному в этой фразе рядом глаголу ἀρπάζω (harpazō), который в высоком стиле перевели как «восхищать» — в смысле достигать чего-то высокого. Однако основное значение этого слова — «похищать», «захватывать», «грабить».

Поэтому данную фразу Евангелия вполне можно прочесть и так: «От дней же Иоанна Крестителя и доныне Царство Небесное насилем берется, и разбойники похищают Его». Слово «разбойники» тут можно и нужно, наверно, поставить в кавычки, потому что

имеются в виду не собственно они, а те, кто лишь с ними схож в определенном отношении.

Здесь говорится о том, что ревность к Богу и жизни по Его заповедям должна быть неостановимой и неукротимой, что она должна доходить до нарушения правил обычной жизни. Что стремящиеся к Богу должны вырваться так же, как из него по-своему выходят разбойники. Речь идет о внутреннем огне, который должен разгораться все больше и больше и поглотить всего человека.

Мне кажется, что этот оттенок определенной внезапности, предельной ревности в стремлении к Небесному Царству, который должен быть у верующего, хорошо иллюстрируют следующие слова из книги Сергея Иосифовича Фуделя «Путь отцов»:

«Тайна христианства необычайна для мира сего» (преп. Макарий Великий). Любовь в христианстве не «кодекс моральных правил», а непостижимая природа Божества, и соучастие в ней выводит нас из арифметики наших представлений. Почему теряет меру человек, вкусивший вина? Это сравнение опасно, но именно его часто приводят святые.

«Живущий в любви, — говорит св. Исаак Сирин, — плодородит жизнь от Бога, и в этом еще мире обоняет оный воздух воскресения. Любовь есть царство. О ней Господь таинственно обетовал Апостолам, что вкусят ее в царстве Его. Ибо сказанное *Да ясте и пиете на трапезе царствия Моего* (Лк 22:30), что иное означает, как не любовь? — Вот вино веселящее сердце человека (Пс 103:15). «Блажен, кто испиет вина сего!».

При действительном, а не словесном соприкосновении с Божественным миром, очевидно, невозможна умеренность. Чем более разгорается в человеке любовь ко Христу, тем все ярче она освещает человеку его темноту. Чем больше возгорается в человеке огонь Христов, тем больше человек смиряется, чувствуя свое ничтожество перед этим огнем, и чем больше смиряется, тем все больше этой огнеопальной любви вожделеет.

«Я всеми силами молюсь о вас к Богу, чтобы Он вверг в сердца ваши огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел *вовреци на Землю*» (Лк 12:49) (преп. Антоний Великий)». ☩.

Юрий Пуцаев